АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МИРОТВОРЕЦ

Работа над ошибками

Андрей Панченко

Миротворец

«Автор»
2026

Панченко А.

Миротворец / А. Панченко — «Автор», 2026 — (Работа над ошибками)

Есть задания, для которых не бывает официальных приказов. Есть территории, куда нельзя отправить армию. И есть люди, готовые идти туда, зная, что если что-то пойдёт не по плану, от них все отвернуться. Как бы Серый не убегал от войны, она идёт за ним следом, и цена которую придется заплатить, за помощь другу, может оказаться слишком высокой.

© Панченко А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Андрей Панченко
Миротворец

Глава 1

Наручники затянули ещё в конвойном помещении суда. Конвойный взял меня за запястье, повернул ладонь и нажал на дужку. Металл щёлкнул дважды. Я пошевелил кистью, проверяя, не пережало ли руку. Обычно парни в конвое были нормальные, и относились с пониманием, особенно к нам, и если наручники давили, немного ослабевали зажим.

- Нормально, - сказал я.

Конвойный ничего не ответил. Молодой сержант, светлые ресницы, воспалённая полоска кожи над воротником. От него пахло табаком и дешёвым одеколоном. Пока ждали у двери, он всё время поправлял ремень, дергал пустую кобуру, сдвигал с места на место резиновую палку и подсумок с "Черёмухой". Ремень не сползал, да и снаряга на нем сидела нормально, просто руки нужно было чем-то занимать. Этого сержанта я видел сейчас в первый раз, и он явно нервничал. Сейчас ему предстояло вести по коридорам суда целую банду головорезов, а пистолет пришлось оставить в сейфе конвойного помещения. Находится в здании суда и зале судебного заседания с огнестрелом было запрещено инструкцией, чтобы подсудимый или его сообщники не могли им завладеть при нападении. Огнестрельное оружие использовалось только на этапе транспортировки.

Нас повели знакомой дорогой и вскоре мы остановились возле зала судебного заседания. За дверью разговаривали. Доносились скрип скамеек, кашель, тихий женский голос. Слов было не разобрать, но я всё равно прислушивался.

- Серый, -— негромко позвал Равиль.

Я повернул голову. Он стоял через человека от меня. Похудел, скулы заострились, тюремная стрижка открыла неровный шрам над ухом. Пиджак, который ему передали к суду, висел на плечах. Раньше я этого не замечал: в прогулочном дворике мы друг друга почти не видели, а в машине сидели боком, сгорбившись под низким потолком. Равиль чуть приподнял скованные руки.

- Вид приличный?

- Жениться можно.

- Поздно. Уже.

Гриша фыркнул. Конвойный посмотрел на него, но промолчал. Нас, и подсудимых и конвойных, было слишком много для тесного коридора. Стояли вдоль стены, мешая людям проходить. Сотрудница суда с папками под мышкой протиснулась мимо, старательно глядя себе под ноги. Пожилой мужчина в сером костюме задержался у поворота. Скользнул взглядом по нашим лицам, по наручникам, затем узнал кого-то и поспешно отвернулся. Я проводил его глазами.

Странное всё-таки дело. Когда нас привезли сюда в первый раз, на меня смотрели с любопытством. Кто-то с опаской. Теперь чаще отворачивались. За время суда люди успели многое услышать, прочитать и решить для себя. Одни считали нас бандой, другие чуть ли не спасителями отечества. Ни с теми, ни с другими разговаривать не хотелось. Замок щёлкнул.

- Приготовились. - Сержант открыл дверь и пропустил вперёд старшего конвоя.

В зале было душно. Высокие окна заклеили на зиму, под подоконниками жарили батареи. Пахло разнообразным парфюмом, мокрой одеждой и пылью. На проходе лежала дорожка, потёртая посередине почти до основы.

Я сначала увидел Макса. Он сидел у прохода, тяжело опершись ладонями на колени. Поднялся, как только нас ввели, но стоявший рядом милиционер что-то сказал ему, и Макс медленно опустился обратно. За последние месяцы он тоже изменился. Виски поседели, на лбу появилась глубокая складка, которой раньше не было.

Рядом с ним сидела Таня. На ней было то самое тёмное платье, которое мы покупали перед свадьбой. Поверх - расстёгнутое пальто. Наверное, приехала рано и не решалась выйти в гардероб. Она держала сумку обеими руками, прижав к животу. Увидела меня, выпрямилась. Я кивнул ей. Она попыталась улыбнуться. Получилось не сразу.

Дальше сидел Ильич. Прямой, в хорошем костюме, с упрямо поднятым подбородком. Бабушки не было. Мы с Максом договорились, что привозить её сюда не надо. Ей и без этого хватило за последние годы. Правда, я сомневался, что она спокойно сидит дома. Скорее всего, с самого утра ходит от окна к телефону, а родители пытаются убедить её хотя бы выпить чаю.

Жену Быкова я заметил уже возле клетки. Она стоял у дальней стены. Рядом с ней - Антон. В пиджаке, который был ему немного велик, с коротко подстриженными волосами. Левая рука спрятана в карман. Он почти не отрываясь смотрел на отца, который шел следом за мной, потом перевел взгляд на меня. Я улыбнулся ему и кивнул. Когда наши взгляды встретились, он вытащил руку из кармана и неловко опустил вдоль тела. Я успел отвернуться раньше, чем начал рассматривать пальцы.

- Заходим.

Дверь клетки открыли. Сначала пропустили меня, потом остальных. Скамья внутри была узкая, на всех не хватало места, приходилось усаживаться плотно, разворачивая плечи. Гриша задел локтем прутья.

- Извиняюсь, - сказал он зачем-то.

- Садись уже, - пробормотал Равиль.

Дверь закрылась. Старший конвоя проверил замок, дёрнул его и остался рядом. Молодой сержант который надевал на меня наручники устроился с другой стороны, как раз возле меня, остальной конвой равномерно расположился вдоль клетки. Теперь я находился к сержанту так близко, что видел на его шее каплю пота. Она медленно ползла к воротнику.

На столе перед нами стоял графин с водой. От клетки до него было метра два, но выглядел он так, словно находился в другом помещении. Затем зашли наши адвокаты. На каждого по одному. Мой адвокат, по фамилии Самойлов вошёл последним. Положил папку, снял очки, протёр платком. На секунду задержал на мне взгляд. Я чуть заметно качнул головой. Он понял. Подошёл не сразу, сначала обменялся несколькими словами с коллегой, затем остановился возле прутьев.

- Как самочувствие? - Поинтересовался он.

- Прекрасно. - Усмехнулся я - У вас?

- Давление с утра. - Пожаловался Самойлов.

- Здесь жарко.

- Не от этого. - Он вздохнул - Переживаю. И по-моему сильнее чем вы.

Я посмотрел на его папку, которую он оставил на столе. За время процесса она сильно распухла. Между листами торчали бумажные закладки, некоторые уже обтрепались. Адвокат работал честно. Спорил, подавал ходатайства, добивался вызова свидетелей, вытаскивал из протоколов то, на что следствие предпочитало не обращать внимания. Иногда я видел, как он удивляется тому, насколько легко ему удаётся получить очередной документ, доказать свою позицию и тому, что почти все его ходатайства удовлетворяются. Удивление он прятал. Вопросов мне не задавал.

- Сегодня долго будем? - спросил Равиль.

Самойлов поправил очки.

- Зависит от того, насколько подробно будут оглашать.

- Нам торопиться вроде некуда.

- Вам как раз есть куда.

Адвокат произнёс это тихо и тут же отошёл. Он нервно поправил галстук, и украдкой ещё раз взглянул на меня. Сегодня всё закончится, сегодня приговор. В этом странном деле, которое он считал безнадежно проигранным ещё до того, как суд начался. Шансов нет, так он сказал мне тогда. Теперь мы будем бороться за то, чтобы нас просто посадили, а не расстреляли...

Таня смотрела на меня, не отрываясь. Я старался отвечать ей взглядом, но между нами всё время кто-нибудь проходил. Сотрудница суда, конвойный, незнакомая женщина с блокнотом. Каждый раз Таня немного подавалась в сторону, чтобы снова меня увидеть. Я заметил, что обручальное кольцо на её руке стало свободнее.

Прокурор перебирал бумаги за своим столом. Молодой, аккуратный, с гладко причёсанными волосами. В начале процесса он выступал уверенно, говорил о тяжести содеянного, общественной опасности и недопустимости самовольного решения государственных вопросов, об организованной преступной группе. Потом уверенности поубавилось. Последние заседания он чаще читал по бумаге и почти не смотрел на нас. Сейчас перед ним лежало всего несколько листов. Он выровнял их по краю стола. Потом ещё раз.

- Встать, суд идёт!

Мы поднялись. Судья вошёл с усталым лицом человека, которому предстояло закончить длинную и неприятную работу. Устроился за столом, поправил лежавшие перед ним листы. В зале стало тихо. Только где-то сзади скрипнула скамья. Началось оглашение.

Я слушал собственную фамилию, год рождения, сведения о службе, семейном положении. Всё это уже звучало здесь много раз, но сегодня почему-то особенно резало слух. Чужой голос раскладывал мою жизнь по графам. Родился. Учился. Призван. Награждён. Уволен. Женат. О том, что между этими словами, в бумагах почти ничего не было. Когда перечисляли награды, Ильич слегка повернул голову к людям позади себя. Я знал этот его взгляд. Таким он смотрел на нерадивых офицеров, которые начинали рассуждать о чужой службе, не успев открыть личное дело.

Я опустил глаза. На полу возле ботинка лежала нитка. Светлая, длинная, свёрнутая петлёй. Наверное, от чьего-то пальто. Я смотрел на неё и слышал, как судья переходит от одного эпизода к другому.

В обвинительном заключении всё выглядело просто. Собрались, приобрели, проникли, вступили, применили, убили. Слова шли ровной цепочкой, и за каждым стояло действие, которое действительно было. Мы собирались. Оружие у нас было. Через посты и границы мы проходили. Стреляли тоже мы. И убивали, чего уж там.

Так начинался этот суд. А потом начали всплывать подробности. Кто видел передачу денег? Где изъяты конкретные стволы? Каким образом установлена их принадлежность? Доказан ли факт покупки оружия? На основании чего действия разных людей объединены общим умыслом? Точно ли они сговорились заранее, или просто в силы совместной службы сразу, как только наступила опасная ситуация просто действовали как их учили и подчинялись старшему из них по званию и бывшей должности? Кто подтвердил обстоятельства гибели тех, чьи фамилии появились в деле?

На предварительном следствии ответы находились быстро. Там вообще особо не разбирались. Казалось, доказательств нашей вины вагон и маленькая тележка. А вот в суде с ними возникли затруднения. с ответами и доказательствами.

Один свидетель ничего не смог вспомнить. Другой заявил, что подписал протокол, не прочитав. Третий вообще не приехал, а его прежние показания неожиданно оказались оформлены с такими нарушениями, что даже прокурор не стал особенно настаивать. Эксперт долго объяснял, чего его заключение ничего не доказывает. Справка, на которую следователь ссылался несколько раз, исчезла из дела. Взамен пришёл официальный ответ: указанными сведе-

ниями ведомство не располагает. Мы с Самойловым тогда переглянулись. Он первым отвёл глаза.

Судья перевернул страницу. Гриша рядом шумно выдохнул. Я почувствовал, как напряглось его плечо. Он слушал гораздо внимательнее меня, пытаясь понять смысл каждой формулировки. Иногда чуть подавался вперёд, словно от этого можно было лучше расслышать. Равиль стоял неподвижно. У него снова болела рука. Я видел, как он осторожно меняет положение кисти в наручнике. В сырой камере старая рана напомнила о себе, а тюремный врач всякий раз советовал одно и то же: меньше нагружать. Хороший совет. Особенно если у тебя руки пристёгнуты одна к другой.

Судья заговорил о показаниях освобождённых. Я поднял голову. За спинами людей виднелся Антон. Он стоял возле матери, немного опустив подбородок. На одном из прошлых заседании ему пришлось рассказывать о плене. Игорь тогда сидел, вцепившись пальцами в край скамьи, и смотрел в пол.

Сейчас Быков пустыми глазами смотрел на судью, явно прокручивая в голове тот кошмар, который пришлось пережить его сыну и его семье. Я вспомнил, каким Антон был в том дворе. Потом посмотрел на судью. Тот продолжал читать.

Из длинных предложений складывалось то, ради чего сюда приехала Таня, ради чего Макс бросил дела, а Ильич с утра надел лучший костюм. Обвинение не доказано. Показания противоречивы. Достоверно установить не представилось возможным. Неустранимые сомнения толкуются...

Слова были правильные. Самойлов добивался именно их. Я чувствовал только, как под воротником рубашки стекает пот. В камере перед выездом дали завтрак. Жидкую кашу и чай. Я почти ничего не съел, теперь желудок неприятно стянуло. Хотелось воды. Ещё хотелось расстегнуть верхнюю пуговицу, но для этого пришлось бы поднять скованные руки к самому лицу. Я остался стоять.

Где-то в зале всхлипнули. Судья сделал паузу, посмотрел поверх очков и продолжил. Когда прозвучало решение, я не сразу повернул голову к своим. Гриша замер с приоткрытым ртом. Игорь смотрел на сына и жену. Равиль смотрел прямо перед собой. Потом медленно опустил подбородок, словно проверяя, правильно ли расслышал. Али тихо что-то шептал. Остальных парней мне было не видно.

Позади кто-то сказал:

- Да ну на...

Председательствующий потребовал тишины. Дальше пошли наши фамилии. Каждая отдельно. Напротив каждой - оправдание. Отмена меры пресечения. Освобождение в зале суда.

Таня закрыла лицо ладонями. Макс повернулся к ней, что-то сказал. Она кивнула, вытерла щёки, но через секунду снова заплакала. Теперь уже не пряталась. Просто смотрела на меня и плакала. У Ильича дрогнула щека. Я видел, как он сжал челюсти. Судья дочитал порядок обжалования. Спросил, понятно ли нам решение.

- Понятно, - ответил я.

Остальные тоже отозвались, кто громче, кто тише. Мы всё ещё стояли в клетке. Решение уже прозвучало, люди в зале задвигались, адвокаты собирали бумаги, а замок пока оставался закрытым. Эта короткая задержка оказалась почему-то особенно неприятной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.